

ТВОРЧЕСКИЙ ХАРАКТЕР ФИЛОСОФСКОГО ПОЗНАНИЯ (НА ПРИМЕРЕ ИДЕЙ Н.А. БЕРДЯЕВА)

На прикладі ідей російського філософа М.О. Бердяєва розкривається поняття «філософське пізнання». У своєму прагненні до свободи, бажанні проникнути в таємниці буття, справжнє філософське пізнання є творчістю. Як і будь-яка творчість, воно пов'язане з уявою, інтуїцією, деколи випадковістю.

Ключові слова: М.О. Бердяєв, філософське пізнання, творчий акт, інтуїція, свобода.

На примере идей российского философа Н.А. Бердяева раскрывается понятие «философское познание». В своем стремлении к свободе, желании проникнуть в тайны бытия, подлинное философское познание есть творчество. Как и любое творчество, оно связано с воображением, интуицией, порой случайностью.

Ключевые слова: Н.А. Бердяев, философское познание, творческий акт, интуиция, свобода.

The notion of philosophical cognition on the basis of ideas of Russian philosopher Berdyaev is considered in the article. As any kind of creative work philosophical cognition is very close to intuition and imagination and sometimes even to accident.

Keywords: N.A. Berdjaev, philosophical cognition, creativeness, intuition, freedom.

В своих работах Н.А. Бердяев использует понятие «философское познание». Что понимает мыслитель под этим? Отличается ли оно от других типов познания? Насколько философское познание обладает творческой составляющей?

Вброшенность человека в мир, его зависимость от мировой среды, ее таинственности и угрозы, побуждает к борьбе, к решению смелой задачи «познания мира и того, что может приоткрыться за миром». Человек несравненно мал по сравнению с тем, что он хочет познать, и, тем не менее, он «меряется своими силами со вселенной и в акте познания хочет возвыситься над ограниченностью и массивностью мира» [1, с. 166].

Философское познание во многом способствует этому. Оно, по мнению Н.А. Бердяева, не может быть лишь пассивным и послушным отражением бытия, а должно быть активным, творческим преобразованием действительности и мира. Такая

творческая, активная природа философского познания, замечает Бердяев, всегда чувствуется в полете гения.

Познание, в том числе и философское, нельзя противопоставлять бытию. Первое представляет событие, которое свершается внутри второго. Так как познающий находится в самом бытии, то и философское познание как «особое качество бытия и особая функция мировой жизни» имманентно бытию. При этом познание суть акт постижения смысла. Нельзя противопоставлять познающего субъекта объекту познания. В противном случае это приводит к уничтожению бытия того и другого. Н.А. Бердяев сравнивает познание с солнечными лучами, которые проникают в недра бытия, оно выступает в качестве функции роста бытия.

В творческом акте философского познания бытие «возрастает и восходит», здесь можно наблюдать порыв к иному бытию, иному миру, дерзкое желание выйти за предельную тайну. По мнению Н.А. Бердяева, философское познание «есть акт самоосвобождения духа от исключительных претензий на реальность со стороны мира феноменов» [1, с. 167]. Предваряет философское познание экзистенциальный акт. Под ним мыслитель понимает «акт исключительного самосознания человеком своего значения». Именно благодаря такому самосознанию и становится возможным философское познание мира. В случае осознания человеком себя как одной из внешних вещей мира, он не сможет быть активным познающим субъектом, философия для него будет невозможной. Экзистенциальный акт предшествует всякой рациональности. По его глубине и широте можно судить и о философском познании. Значительность последнего определяется личностным аспектом. В то же время это не означает изоляции личности. Личность познает, приобщаясь к мировому опыту и мировой мысли, благодаря общению с миром и людьми. Поэтому познание одновременно и личностно, и социально.

Н.А. Бердяев считает, что целью философского познания является не познание бытия, не пассивное отражение в познающем действительности, а познание истины, нахождение смысла, осмысливание действительности. Причем философское познание носит активный характер – это прорыв, победа в борьбе с бессмысленностью мировой действительности. «Я хочу знать не действительность, а истину действительности. И я могу узнать эту истину только потому, что во мне самом, в познающем субъекте, есть источник истины и возможно приобщение к истине» [1, с. 186]. Такой антропологический подход к познанию характерен для Н.А. Бердяева. Он замечает, что философия не в силах уйти от того первоначального сознания, что философствует человек и что философствуют для человека. «Нет сил отрешиться от того, что философское познание протекает в антропологической среде» [2, с. 48].

Что является источником философского познания? По мнению философа, это не Аристотель и не Кант, а само бытие, точнее,

интуиция бытия. «Подлинно философ лишь тот, кто имеет интуицию бытия, чья философия имеет жизненный источник. Настоящая философия имеет непосредственные пути сообщения с бытием» [2, с. 51]. Источником философского познания не могут быть психологические, индивидуальные состояния человека как замкнутого существа. Это могут быть лишь его космические, универсальные состояния. Такое познание основано на духовном опыте, в котором познавательный акт совершается целостным духом.

Но как происходит акт философского познания? На чем он основан: на логике или интуиции? Н.А. Бердяев замечает, что это в большей степени познание образами, чем понятиями, это более иррациональный процесс, чем логический. При этом понятия не исключаются, но они имеют лишь вспомогательное значение. В акте философского познания происходит познание истины (правды). Последнее предполагает подъем духа, духовное восхождение и вхождение в истину. Невозможно привести примеры, когда познающий открывал истины при помощи того логического аппарата, которым он старается убедить других. Таким образом, считает Н.А. Бердяев, философское познание основано не на научном анализе, который оставляет нас на поверхности вещей, а на интуиции, т.е. на «симпатическом, любовном проникновении в сущность вещей» [2, с. 40].

Философская интуиция первична, не из чего не выводится, всегда заключает в себе гениальность. Всякий подлинный философ всегда имеет свою «первородную интуицию», а философия не может существовать, если не признается философская интуиция. При этом интуиция имеет характер не только интеллектуальный, но и эмоционально-волевой, она «есть страстный прорыв воли к свету, к цельной истине». В этом, по мнению Н.А. Бердяева, и состоит отличие от феноменологической философии, которая требует пассивности субъекта. В экзистенциальной же философии присутствует активность, страсть, напряженность всего существа, его экстатичность.

В акте философского познания творческая интуиция стремится к свободе. Н.А. Бердяев подчеркивает, что проблема творчества напрямую связана с проблемой свободы.¹ Свобода не имеет основы, каузальных отношений. Она иррациональна и берет свои начала не в бытии, а в ничто. Поэтому в творческом акте философского познания, имеющем новизну, не детерминированную внешним миром, всегда есть элемент свободы. Бердяев говорит о разных

¹ Эта идея единства творчества и свободы перекликается с идеями поэта-символиста и художественного критика К. Эрберга, на которого Н.А. Бердяев ссылается в своей работе «Смысл творчества». Более подробно см. Тимшин В.А. Творческий процесс как освобождение или преодоление природного в философии К. Эрберга // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. Философия и социология; культурология. Научный журнал. – 2012. – № 1 (1). – С. 27–31.

ступенях свободы, ее метаморфозах. Если на высших ступенях свободу можно определить как творческое вдохновение, то на низших ступенях как – труд. Человек познающий – это активно действующий и трудящийся человек. Поэтому познание есть не только творчество в своих истоках и вершинах, но также и труд, жизненная активность. «Познающий как субъект экзистенциальный неизбежно соединяет в себе мысль и волю, созерцание и труд, теорию и практику. Экзистенциальная философия есть философия не только теоретическая, но и практическая. И она должна исследовать соотношения между познанием и общностью людей, раскрыть социальный характер логической обязательности» [3, с. 262]. Н.А. Бердяев заключает: философское познание, удаленное от жизненного процесса, от целостного существования – это искаженное познание.

В философии заражают и убеждают не доказательства и выводы, а острота, ясность, совершенство формул, исходящий от них свет. Доказательство, как техника логического аппарата, по мнению Н.А. Бердяева, к истине не имеет никакого отношения. «Все это еще раз приводит к острому сознанию того, что философское познание предполагает высшую степень духовного общения и тогда лишь убедительно, тогда лишь произвольно... Истину философского познания можно понять и принять лишь тогда, когда есть зачатки той интуиции бытия, которая достигла высшего своего выражения в творческом познавательном акте философа. Общение в философском познании предполагает известный максимум жизненного общения, единство, соборность избирающей любви» [2, с. 48].

Философскому познанию, как и любому интеллектуальному акту, присущ эмоциональный момент. Первичная интуиция, прежде всего, эмоциональна. «Философское творчество есть опьянение мыслью» [1, с. 185]. Эмоционально принимаются и результаты познания. Совершенно неэмоциональным может быть лишь мышление, которое погружено в себя, «никуда не выходящее». Эмоционально окрашенное философское познание может быть «плачем и восхищением, мучением над смыслом жизни». Такой накал определяется встречей с первореальностью, с первожизнью. «Философия ищет прорыва из рабства этого мира к иному миру, к совершенной, свободной жизни, к избавлению от муки, от уродства мировой данности... Бесстрастного познания не могло быть и никогда не было у настоящих философов, оно могло быть лишь в лишенных творческого дара диссертациях» [1, с. 185].

Н.А. Бердяев считает, что без творческого отношения субъекта к реальности ее нет. Само восприятие носит творчески-синтетический характер, «дух активен в чувственных

восприятии». Познавательная проникновенность невозможна без сильных впечатлений, которые, в свою очередь, предполагают творческое состояние, захваченность. Это еще один аргумент в пользу того, что философия – искусство. Правда, замечает Н.А. Бердяев, и в чисто научных открытиях большую роль играет эмоциональный момент. Они также предполагают страсть, вдохновение и силу воображения.

Философское познание, по мнению Н.А. Бердяева, невозможно без Эроса. «Философ есть влюбленный в мудрость. В настоящей первородной философии есть эрос истины, есть эротическое притяжение бесконечного и абсолютного» [1, с. 185]. По мнению Н.А. Бердяева, величайший философ Платон был философом эротическим. Эротическое притяжение присутствует у Спинозы, Гегеля, Ницше. Необходимой предпосылкой философского познания является избирающая любовь. Подлинный философ – это влюбленный человек, который среди дурной множественности избирает единственно хороший предмет своей познавательной любви. Творческое философское познание начинается тогда, когда прекращается сомнение относительно того, кого избрал и полюбил. Такому влюбленному философу нет смысла говорить, что кроме избранной и любимой им женщины (истины) есть много не худших, а даже лучших (не менее правдоподобных). Философия еще и потому искусство, а не наука, считает, Н.А. Бердяев, что она предполагает Эрос, избирающую любовь. Философы, лишённые такой влюбленности, эротики, в большей степени приближаются к наукообразному типу, но в их философии сложно найти творческие прозрения. Философское познание как творческий акт, по мнению Н.А. Бердяева, есть брак по любви, в отличие от наукообразной философии, стремящейся превратить последнюю в брак по расчету. «Творческая философия – искусство познавательной любви, а не наука познавательного семейного благоустройства» [2, с. 46].

Каковы ценностные аспекты философского познания? Н.А. Бердяев замечает, что в философском познании происходит переоценка ценностей и порождение новых ценностей. «Мы стоим перед проблемой: не есть ли бытие объективация, не превращает ли оно предметы философского познания в объекты, в которых исчезает нумеральный мир, не имеет ли понятие бытия дело с бытием как понятием, имеет ли бытие существование?» [1, с. 209]. При этом мысль человека гонится за собственным порождением. И в этом Н.А. Бердяев видит трагедию философского познания, трагедию всякой отвлеченной философии.

Но в то же время философское познание несет в себе освобождение. Человек освобождается от нестерпимого рабства

объективированного мира. И оно приходит не из феноменального мира, а из мира иного, освобождает не объективная природа или объективное общество, а дух. Н.А. Бердяев восклицает: «И нет ничего более изумительного, более трогательного и более потрясающего, чем эти усилия человеческого духа через тьму прорваться к свету, через бессмыслицу прорваться к смыслу, через рабство необходимости прорваться к свободе» [1, с. 166].

Таким образом, подлинное философское познание в своем стремлении к истине, свободе, желании проникнуть в тайны бытия есть творчество. Как и любое творчество, оно связано с воображением, интуицией, порой случайностью. Н.А. Бердяев также соотносит творчество и созерцание. Однако это тема дальнейшего исследования.

Использованная литература

1. *Бердяев, Н.А.* Опыт эсхатологической метафизики. Творчество и объективация // Бердяев Н.А. Царство Духа и царство кесаря. – М.: Республика, 1995.

2. *Бердяев, Н.А.* Смысл творчества: Опыт оправдания человека / Н.А. Бердяев. - Харьков: Фолио; М.: ООО «Издательство АСТ», 2002.

3. *Бердяев, Н.А.* Я и мир объектов. Опыт философии одиночества и общения // Бердяев Н.А. Философия свободного духа. – М.: Республика, 1994. – С. 262.

Статья поступила в редакцию 30.10.2012 г.